

ТВЕРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ
мѣсяць 1 и 15 чиселъ.
Цѣна годовому изданію
безъ пересылки 4 р. 50 к.,
съ пересылкою 5 р.

15 ЮНЯ 1887 Г.

Подписка принимается
въ редакціи Епархіальныхъ
Вѣдомостей, и умѣстныхъ
Благочинныхъ.

№ 12.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Содержаніе части официальной: Высочайшая награда. — Опредѣленія
Святѣйшаго Синода. — Объявленіе.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 16 день минувшаго
мая, на имя капитула россійскихъ Императорскихъ и цар-
скихъ орденовъ, Всемилостивѣйше сопричисленъ за 50-лѣт-
нюю службу къ *ордену св. Владимира 4-й ст.* священ-
никъ церкви с. Чагина, Кашинскаго уѣзда, Стефанъ Сусловъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

I. Отъ 15—25 апрѣля 1887 года, за № 676, о допущеніи къ
испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности
свидѣтельствъ всѣхъ воспитанниковъ церк.-прих. школъ,
безъ различія исповѣданій.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали и имѣли
сужденіе по возбужденному нѣкоторыми епархіальными прео-
священными вопросу о допущеніи къ испытаніямъ на полу-
ченіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ вос-

питанниковъ церковно-приходскихъ школъ неправославнаго исповѣданія. Привязали: Обсудивъ возбужденный преосвященными нѣкоторыхъ епархій вопросъ о допущеніи воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ католическаго исповѣданія и раскольниковъ къ испытаніямъ на право полученія льготныхъ свидѣтельствъ IV разряда по отбыванію воинской повинности и признавая сей вопросъ имѣющимъ общее значеніе для всѣхъ епархій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ печатными циркулярными указами, что къ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ по духовному вѣдомству, могутъ быть допускаемы всѣ воспитанники церковно-приходскихъ школъ, безъ различія исповѣданій, но съ тѣмъ, чтобы испытанія воспитанниковъ неправославнаго исповѣданія и раскольниковъ производились во всемъ согласно требованіямъ, изъясненнымъ въ изданныхъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 8—15 октября 1886 года, правилахъ для производства сихъ испытаній.

II. Отъ 27 апрѣля—10 мая 1887 г., за № 771, объ учрежденіи стипендій въ русскихъ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и академіи для православныхъ арабовъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 апрѣля сего года, за № 5,626, въ коемъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 18 день апрѣля 1887 года, Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода, 17 февраля—1 марта 1887 г., объ учрежденіи стипендій въ русскихъ православныхъ духовныхъ семи-

наріяхъ и академіи для православныхъ арабовъ, изъ уроженцевъ іерусалимской, антиохійской и александрійской патріархій, на проценты съ пожертвованнаго совѣтомъ православнаго палестинскаго общества капитала въ 18,450 руб., присовокупляя, что и положеніе объ означенныхъ стипендіяхъ было представлено на Высочайшее воззрѣніе. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненной Высочайшей волѣ, для объявленія во всеобщее извѣстіе, сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“, по принятому порядку, съ приложеніемъ копіи съ положенія о стипендіяхъ.

П О Л О Ж Е Н І Е

о стипендіяхъ для православныхъ арабовъ въ русскихъ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и академіи.

1) Православное палестинское общество, въ видахъ восполненія дѣтямъ православныхъ арабовъ полученія воспитанія въ духѣ православной церкви, передаетъ въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ капиталъ въ *восемь надцать тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей* въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, по номинальной цѣнѣ.

2) Ежегодные съ этого капитала проценты составляютъ три стипендіи въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ, по *сто семидесяти пяти рублей* каждая и одну стипендію въ русской духовной академіи — въ *триста пятьдесятъ рублей*.

3) Остатокъ процентовъ съ капитала, образующійся отъ незамѣщенія стипендій, причисляется къ капиталу, до образования суммы, проценты съ которой будутъ достаточны для новыхъ стипендій.

4) Этими стипендіями имѣютъ право пользоваться только дѣти православныхъ арабовъ, уроженцевъ предѣловъ іерусалимской патріархіи; за недостаткомъ же таковыхъ — уроженцы предѣловъ антиохійской и александрійской патріархій.

5) За удержаніемъ изъ каждой стипендіи суммы на содержаніе стипендіата, передаваемой въ правленія духовныхъ учебныхъ заведеній, остающаяся отъ стипендій сумма передается на руки стипендіатамъ, ежемѣсячно, по расчету.

6) Определеніе духовныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ будутъ помѣщены стипендіаты, а равно и избраніе сихъ послѣднихъ предоставляется совѣту православнаго палестинскаго общества.

III. Отъ 3 - 4 июня 1887 года, за № 1036, о производствѣ сбора по церквамъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія жителей города Вѣрнаго и селеній семирѣченской области.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей г. Вѣрнаго и многихъ селеній семирѣченской области отъ землетрясенія. Приказали: Попущеніемъ Божиимъ постигло жителей г. Вѣрнаго и многихъ селеній семирѣченской области страшное бѣдствіе. 28 минувшаго мая, въ исходѣ пятаго часа утра, произошло сильное землетрясеніе, въ конецъ разрушившее г. Вѣрный и многія селенія области: храмы Божіи и жилия зданія обращены въ груды развалинъ, при чемъ погибло не малое число людей, и все жители поражены ужасомъ. Нельзя не помыслить съ глубокою скорбію о томъ печальномъ состояніи, въ коемъ находятся нынѣ подвергшіеся несчастію жители: они лишены не только крова и одежды, но и куска насущнаго хлѣба. Страждущіе взываютъ къ помощи благотворителей, и Святейшій Синодъ питаетъ надежду, что возлюбленныя о Господѣ чада нашей святой соборной и апостольской церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впадшимъ въ несчастіе, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся

на братскую помощь бѣдствующимъ жителямъ г. Вѣрнаго и селеній семирѣченской области. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить печатными указами епархіальнымъ преосвященнымъ, синодальнымъ конторамъ московской и грузино-имеритинской, управляющему гвардейскимъ духовенствомъ, главному священнику армии и флотовъ и заведывающему придворнымъ духовенствомъ, духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго указа, воскресные или праздничные дня, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ жителей г. Вѣрнаго и селеній семирѣченской области, вѣннивъ при семъ духовенству въ непремѣнную обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объявило прихожанамъ, въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, причину и назначеніе сбора и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображенію съ церковными средствами, возможное пособіе бѣдствующимъ и изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церквей, безъ замедленія были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности, въ консисторіи, конторы и канцеляріи—главнаго священника и Ихъ Величествъ духовника, которыя обязываются немедленно доставлять таковыя деньги преосвященному туркестанскому Неофиту, съ доведеніемъ о количествѣ препровожденныхъ такимъ образомъ денегъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода; о чемъ, для зависящихъ къ исполненію сего распоряженій, послать, по принадлежности, печатные циркулярные указы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Правленіе Осташковскаго духовнаго училища извѣщаетъ духовенство Осташковскаго духовно-училищнаго округа, что обсужденію предстоящаго очереднаго сѣзда духовенства, имѣющаго быть 25 іюня текущаго года, подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) разсмотрѣніе экономическаго отчета по содержанію училища на счетъ мѣстныхъ средствъ за 1886 г.; 2) смѣты доходовъ и расходовъ по содержанію училища въ будущемъ 1888 году и 3) рѣшеніе вопроса относительно ремонта здания училища согласно постановленію Правленія Тверской духовной семинаріи, объявленному въ „Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ вмѣстѣ съ протоколами сѣзда депутатовъ духовенства, бывшаго въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Редакторъ Протоіерей *В. Владиславлевъ.*

Дозволено цензурою 15 іюня 1887 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.

ТВЕРСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 ЮНЯ 1887 Г.

№ 12.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Содержаніе части неофициальной: Слово въ день Вознесенія Господня на небо.—Слово при погребеніи начальницы учительской Земской школы Н. П. Дьяконовой.—Икона Ченстоховская Божіей Матери въ селѣ Шелтобжи Кашинскаго уѣзда (окончаніе) — Материалы заключающіеся въ рукописи Тверскаго Музея подъ № 2130.—О новомъ Евангелии Графа Толстаго.—Отъ государственнаго банка.—Объявленіе

С Л О В О

въ день вознесенія Господня на небо.

Иисусъ Христосъ въ сороковой день, по воскресеніи своемъ изъ мертвыхъ, вознеся на небо съ пречистою плотію. Воспоминанію этого событія посвящено церковное торжество настоящаго дня, — торжество свѣтлое и радостное. Надобно впрочемъ согласиться, что свѣтлыя и радостныя стороны въ вознесеніи І. Христа на небо не каждому изъ насъ могутъ представляться ясно и непосредственно. Простой, мало озаренный свѣтомъ ученія Христова взглядъ на это событіе скорѣе приводитъ къ печали и унынію, нежели къ радости и торжеству. Можно ли въ самомъ дѣлѣ ученикамъ съ радостію и веселіемъ разлучаться съ своимъ возлюбленнымъ Учителемъ, вѣр-

нымъ рабамъ съ своимъ Господомъ и Царемъ, плѣнникамъ, освобожденнымъ отъ работы вражя, — съ своимъ освободителемъ и Спасителемъ?

Итакъ, чтобы воспоминаемое нынѣ событіе сознательно праздновать свѣтло и радостно, — соотвѣтственно его важности и значенію, открывается нужда предварительно раскрыть его свѣтлыя стороны. На сей предметъ и посвятимъ, братіе, настоящее собесѣдованіе.

Прилично было бы намъ предаваться грусти и унынію, при воспоминаніи вознесенія І. Христа на небо, если бы нашъ Божественный Учитель и Господь, вознесшись на небо, навсегда оставилъ Свою земную церковь, которую стяжалъ Своею честною кровію. Но это предположеніе не имѣетъ основанія въ словѣ Божіемъ. Изъ него мы напротивъ узнаемъ, что Воскресшій изъ гроба хотя вскорѣ потомъ удалился въ горній міръ, но не навсегда, а на опредѣленный только періодъ времени, довѣдомый Единому Богу Отцу. *Да не смущается сердце ваше, такъ утѣшалъ Своихъ учениковъ І. Христось, разлучаясь съ ними; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте; иду уготовати мѣсто вамъ; и пакы прииду и помю вы къ себѣ, да идѣже есмь азъ, и вы будете. Не оставлю васъ сиры; прииду къ вамъ* (Іоан. XIV. 1—3, 18). И святые ангелы, явившіеся апостоламъ на Елеонѣ тотчасъ по вознесеніи І. Христа на небо, опредѣленно сказали имъ: *сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде приидетъ, имъ же образомъ видѣте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). Итакъ кому изъ насъ дорого отечество небесное, кто не вовсе пристрастился къ землѣ, тому слѣдуетъ теперь по преимуществу жить надеждами и упованіемъ на Его второе къ намъ пришествіе. А чтобы мысль о второмъ пришествіи І. Христа на землю намъ не была страшна, мы должны братіе, *жить въ нынѣшнемъ вѣцѣ цѣломудренно, и праведно, и благо-*

честно, ждущее блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего *І. Христа* (I Тим. II, 12, 13).

Прилично было бы намъ скорбѣть и унывать, вспоминая вознесеніе *І. Христа* на небо, если бы Божественный Учитель, вознесшись отъ насъ на небо на опредѣленный срокъ, вовсе прервалъ съ нами, въ теченіе этого времени, всякое общеніе. Но и это условіе также неумѣстно. Утверждаясь на обѣтованіяхъ Самаго *І. Христа*, мы должны вѣровать, что Христосъ, вознесшись на небо, отъ насъ удалился только видимымъ образомъ; не видимымъ же и благодатнымъ образомъ Онъ сохраняетъ съ нами постоянное общеніе. Вотъ Его великое и сладчайшее обѣтованіе предъ самымъ отшествіемъ на небо: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*;—съ вами есмь во вся дни въ Моемъ Божественномъ словѣ, которое Я оставилъ Моей земной церкви; ибо *слушай васъ, Мои ученики, Мене слушаетъ, и отменяйся васъ, Мене отменяется* (Лук. X. 16); съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка въ таинствахъ церкви и особенно въ таинствахъ крещенія и причащенія. *Елицы бо во Христа креститесь во Христа облекостесь* (Гал. III, 27), учитъ апостоль Павелъ. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ*, учитъ Самъ *І. Христосъ* (Іоан. VI. 56). Не открывается ли отсюда, что *І. Христосъ* и возсѣдаетъ одесную Бога Отца, и на землѣ благодатно пребываетъ съ нами и въ насъ, будучи по Божеству Своему Богъ вездѣсущій и вся исполняй неописанный? Будемъ же, братіе, исполнять заповѣди *І. Христа* и сохраняя общеніе съ Его святою церковію, чаще приступать къ святому таинству причащенія; тогда мы не будемъ чувствовать и печальной разлуки съ вознесшимся на небо Христомъ, нашимъ Испушителемъ и Господомъ; ибо будемъ обрѣтать Его во святой церкви и въ душахъ своихъ.

Обратимъ вниманіе на другія стороны преславнаго вознесенія І. Христа на небо.

По предначертанному Божественною премудростію плану домостроительства нашего спасенія, І. Христу надлежало вознестись на небо къ Богу Отцу и своимъ ходатайствомъ умолить Его о ниспосланіи на землю иного утѣшителя—Духа животворящаго. І. Христосъ такъ утѣшалъ Своихъ учениковъ: *и азъ умолю Отца и иного утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ* (Іоан. XIV. 16). *Уне есть вамъ, да азъ иду: аще бо не иду азъ, утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). Аще ли же иду, пошлю его къ вамъ. Въ десятый день по вознесеніи Онъ и дѣйствительно послалъ отъ Отца на апостоловъ Духа святаго въ видѣ огненныхъ языковъ, который и до селѣ пребываетъ во святой церкви, во всѣхъ истинно вѣрующихъ во Христа, наставляя ихъ на всякую истину и утѣшая ихъ всѣми истинно духовными и небесными утѣшеніями. Нашъ долгъ поэтому не печалити ся и скорбѣть объ І. Христѣ вознесшемся на небо, а радоваться о Немъ и воздавать Ему вѣчную славу, и благодареніе, и поклоненіе; въ тоже время устремлять всѣ силы свои къ тому, чтобы войти въ ближайшее общеніе съ утѣшителемъ, пребывающимъ нынѣ на землѣ, Духомъ святымъ; и для сей цѣли—съ такимъ смиренномудріемъ и чистотою проводить свою жизнь, чтобы наше сердце способно было благоустроиться въ благолѣпный храмъ Духа святаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима.

Есть наконецъ и еще сторона въ вознесеніи І. Христа на небо, способная возвысить радость и торжество настоящаго дня. Просвѣтивши родъ человѣческій высшимъ свѣтомъ Божьденія и искупивши его Своими страданіями и крестною смертію, І. Христосъ оказалъ безконечно великія заслуги предъ Отцемъ небеснымъ, какъ возстановитель на землѣ

славы тріединого Бога. За такіе святыя подвиги, соотвѣтственно ихъ величію и важности, Онъ и долженъ получить безконечно великое возмездіе въ вѣчной славѣ и блаженствѣ, какъ Богочеловѣкъ. Такимъ образомъ по совершеніи дѣла искупленія человѣческаго рода Христу надлежало оставить землю и вознестись на небо, чтобы тамъ достойно быть прославленнымъ. *Смирилъ себе, говоритъ апостоль объ І. Христѣ, послушливъ бывъ даже до смерти,—смерти же крестныя; тѣмъ же и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится — небесныхъ, и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 8, 9, 10). *Умаленнаго малымъ чимъ отъ ангелъ видимъ Іисуса за пріятіе смерти славою и честію вѣнчана* (Евр. II, 9); говоритъ тотъ же апостоль. Между тѣмъ безконечно-великая слава съ пречистою плотію вознесшагося на небо Сына человѣческаго отражается и на всемъ искупленномъ человѣческомъ родѣ. Всѣ увѣровавшіе въ І. Христа и возрожденные въ купели крещенія, содѣлались новою тварію, и тѣсно соединены съ Богочеловѣкомъ, какъ члены Его таинственнаго тѣла. Члены же тѣла естественно раздѣляютъ славу и великолѣпіе того вѣнца, которымъ увѣнчивается самая ихъ глава. По сему апостоль ни мало не усумнился о всѣхъ вѣрующихъ въ І. Христа въ настоящемъ ихъ положеніи сказать эти слова: *и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми сооживи Христомъ и съ Нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Ефес. II, 5, 6). Не есть ли это новая еще болѣе свѣтлая и радостная сторона въ вознесеніи І. Христа на небо? *Яко же бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. XV, 22) и не только оживутъ, но и вознесутся туда, гдѣ Самъ Христосъ пребываетъ во вѣки. *Кто мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII, 26).

Побъждающему дамъ състи со Мною на престолъ Мою, якоже азъ побѣдихъ и съдохъ со Отцемъ Моимъ на престолъ Его (Апок. III, 21). Итакъ истинный христіанинъ не только не долженъ скорбѣть, но долженъ радоваться о вознесеніи І. Христа на небо, поелику въ вознесеніи на небо Сына чельвѣческаго онъ можетъ созерцать залогъ своей вѣчной славы въ царствіи небесномъ, которую наследуетъ со Христомъ по своему воскресеніи изъ мертвыхъ.

Для этого одно необходимо для насъ условіе: живая вѣра въ Него и упованіе, споспѣшествуемая пламенною къ Нему любовію. И кто изъ насъ обладаетъ этими добродѣтелями, для того вознесеніе на небо Богочеловѣка съ пречистою плотію есть только видимая и временная разлука; но эта разлука даетъ возможность Ему тѣмъ тѣснѣе соединиться со Христомъ невидимымъ и духовнымъ образомъ посредствомъ вѣры и надежды еще здѣсь на землѣ. Апостолу Томъ, желавшему нѣкогда осязать раны распятаго и воскресшаго Господа, Господь сказалъ: *блаженнѣе видѣвшій и вѣровавшіе* (Іоан XX, 29). Этой то вѣрѣ, доставляющей высокое блаженство нашему духу и открылось особенно широкое цоприще теперь, когда І. Христосъ вознесся на небо съ пречистою плотію и такимъ образомъ удался отъ взоровъ земнородныхъ.

Имуще убо архіереа великаго прошедшаго небеса, Исуса Сына Божія, да держимся исповданія вѣры Христовой, да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да примемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну помощь (Евр. IV. 14, 16). Аминь.

Тверской Вознесенской, что на проспектъ цер. прот. *Іоан. Васильевскій.*

С Л О В О

при погребеніи начальницы учительской земской школы

П. П. Максимовича, Надежды Павловны Дьяконовой.

Предъ этимъ гробомъ, при видѣ этой всѣмъ намъ дорогой усопшей— мѣсто не словамъ, а слезамъ. Утрата такъ велика, что теперь мы и понять вполнѣ еще не можемъ. Это— утрата не для насъ лично только; нѣтъ, это— утрата для— всего заведенія, для цѣлаго дѣла, великаго, святаго дѣла— воспитанія, которымъ руководила— съ такимъ умѣньемъ, рвеніемъ и пользою почившая. И кто могъ подумать, мѣсяцъ тому назадъ, что жизнь столь плодотворная такъ необходимая прекратится такъ быстро? Нѣтъ, добрые мои слушатели, не время теперь нашимъ слабымъ рѣчамъ. Умолкнемъ же, и въ молчаніи взглядемся въ послѣдній разъ въ дорогой для насъ образъ усопшей: взглядемся— и вмѣстѣ вслушаемся; потому что этотъ, по видимому, безмолвный образъ многое, очень многое говоритъ намъ.

Прежде всего онъ говоритъ намъ— такъ: дѣти мои и всѣ знаемые мои, запечатлѣйте въ умахъ вашихъ, что жизнь есть трудъ, что человекъ рождается для труда, какъ птица для лѣтанья. И только та жизнь— и есть жизнь въ истинномъ смыслѣ, которая вся посвящена добруму, честному труду, труду во славу Божию, на пользу ближнимъ. Такое убѣжденіе было правиломъ всей моей жизни. Вы сами видѣли: много ли времени отдавала я отдыху? Вы сами знаете: отъ какого труда я отказывалась? Себя не жалѣла я. Никакія недомоганья не могли заставить меня ни отложить дѣла нужнаго, ни сдѣлать его какъ нибудь. Сверхъ силъ трудилась я; и трудилась,— не имѣя въ виду ни выгоды, ни даже похвалы для себя. Моею выгодой были успѣхъ дѣла и польза

васъ, которые были поручены мнѣ. Слышать въ послѣдствіи доброе о васъ—отзывы было для меня вышею похвалою.

Но запечатлѣйте при этомъ въ сердцахъ вашихъ, говоритъ намъ почившая далѣе, что силу трудящемуся и благоплодность труду даетъ любовь, любовь—и къ дѣлу,—и къ тѣмъ для кого трудишься. Говорю это по собственному опыту. Любила я всею душой дѣло, мною на себя взятое, и оно было для меня не трудомъ тягостнымъ, а услажденіемъ, не скучною обязанностію, а святымъ дѣломъ предъ Богомъ и со вѣстію. Любила я васъ, дорогіе дѣти мои, беззавѣтно; потому и желала, и могла потрудиться для васъ неустанно. Вы сами знаете, что когда брала я васъ на свое попеченіе, на свою отвѣтственность отъ родителей вашихъ, вы становились для меня—родными дочерьми, даже—какъ—будто болѣе. Я никогда не забывала, что на мнѣ лежитъ великая отвѣтственность за васъ предъ Богомъ, предъ вашими родителями, предъ обществомъ. И потому все, что только могла по моему разумѣнію и силамъ, я дѣлала съ готовностію для вашего нравственнаго и умственнаго преуспѣянія, для счастья вашей жизни. Я радовалась вашими радостями, печалилась вашею печалью, иногда, быть можетъ, даже сильнѣе, чѣмъ вы сами. И когда выходили вы уже изъ-подъ моего крыла, начинали самостоятельно жить и дѣйствовать, я съ заботливою любовью—слѣдила за вашимъ первымъ полетомъ, и тотчасъ спѣшила откликнуться на вашъ призывъ совѣтомъ, ободреніемъ, утѣшеніемъ.

Не забывайте же, дорогія дѣти мои, этихъ двухъ моихъ завѣтовъ: трудитесь и любите! И изъ горняго міра мнѣ утѣшительно будетъ видѣть, какъ посѣянное мною въ васъ возрастаетъ, разцвѣтаетъ и приноситъ плодъ!

Теперь къ вамъ обращаюсь я, говоритъ еще усапшая, къ вамъ, трудившіеся со мною на нивѣ воспитанія, какое-бы

участіе ни принималъ — кто въ судьбѣ нашей школы. Моимъ завѣтнымъ желаніемъ, какъ вы знаете, было то, чтобы между всѣми нами было полное довѣріе и согласіе, чтобы у всѣхъ насъ была одна душа, и въ этой душѣ — одна мысль: работать единократно, работать для одной цѣли, — для блага вѣрнѣйшихъ нашему руководству; чтобы всѣ наши отношенія къ дѣлу и учащимся вытекали изъ любви, и были проникнуты любовью. Духъ любви желала я водворить въ школѣ, и онъ былъ и есть. Прошу и молю васъ, всѣхъ васъ, имѣющихъ отношеніе къ школѣ, храните и возрѣжайте этотъ благотворный духъ и послѣ меня! Это — лучшее украшеніе нашей школы; въ этомъ вѣрный залогъ ея преуспѣянія и довѣрія къ ней.

Но вотъ и послѣднее слово почившей: всѣхъ близкихъ мнѣ, всѣхъ знаемыхъ и присутствующихъ отъ всей души прошу: помолитесь теперь — и молитесь потомъ за меня. Если я согрѣшила передъ кѣмъ — либо, простите меня Господа ради, какъ и я прощаю всѣхъ. Какъ человекъ, не безгрѣшна я передъ Господомъ, — можетъ быть — даже и очень грѣшна; но я крѣпко вѣрила въ Его безпредѣльную благость — и теперь вѣрую, что по Своему неизреченному милосердію ради усердныхъ молитвъ вашихъ — Онъ проститъ мои вольные и невольные грѣхи. Молитесь же о мнѣ, — да упокоитъ Господь душу мою, гдѣ пѣть — ни болѣзней, ни печалей, но жизнь безконечная. Аминь.

Каедральнаго собора протоіерей *Григорій Первушинъ*.

Икона Ченстоховская Божіей Матери въ сель Шелтомъжи Кашинскаго узда.

(Окончаніе.)

Въ этотъ періодъ времени случились слѣдующія обстоятельства относящіяся къ церкви Шелтомъжской, къ св. иконѣ Божіей Матери и къ имѣнію и семейству Скрипицыныхъ.

Приписанная въ 1819 г. малоприходная церковь погоста Могилецъ вновь возстановлена въ 1841 году въ самостоятельную церковь, по прошенію двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкера, надворнаго совѣтника и кавалера Николая Ивановича Пономарева, который внесъ семь тысячъ рублей въ Московскій опекунскій совѣтъ съ предоставленіемъ Могилецкому причту пользоваться съ этаго капитала процентами. Въ Шелтомъжской же церкви придѣлъ во имя Георгія великомученика все еще не былъ готовъ къ освященію.

Послѣдній изъ сыновей Николая Димитріевича Скрипицына Петръ Николаевичъ, который хитростію взялъ св. икону изъ Шелтомъжской церкви, съ которымъ шла такая длинная и бесполезная переписка о возвращеніи этой иконы опять въ церковь, въ іюль 1845 г. скончался. По смерти его, въ домѣ проживали незаконнорожденные дѣти его, Мышкинскіе мѣщане: Павелъ, Евдокія и Сергѣй Петровы съ своею матерью. У нихъ же въ домѣ стояла и св. икона.

Все имѣніе Петра Скрипицына продано было за долги съ аукціоннаго торга вышеупомянутому камеръ-юнкеру Николаю Ивановичу Пономареву. При этомъ аукціонѣ законный наслѣдникъ, внукъ Николая Димитріевича, Павелъ Николаевичъ Скрипицынъ подалъ временному отдѣленію Кашинскаго земскаго суда отъ себя заявленіе о томъ, что онъ отъ наслѣдства отказывается, долговъ послѣ Петра Скрипицына не принимаетъ, и икону Божіей Матери предоставляетъ въ собствен-

ность Шелтомѣжской церкви. Вотъ подлинное заявленіе Павла Николаевича Скрипицына поданное имъ временному отдѣленію Кашинскаго земскаго суда: „пріѣхавъ поклониться тѣлу покойнаго дяди моего Петра Николаевича Скрипицына, я увидѣлъ въ его домѣ образъ Шестоковскія (Ченстоховскія) Божіей Матери, благословленіе дѣда нашего вѣсмъ вообще покойнымъ уже дядьямъ моимъ, и отцу моему, и ихъ потомкамъ,—украшенный серебряною ризою и камнями, пожертвованіями означенныхъ родныхъ и родителя моего, и съ общаго согласія отданный въ церковь села Шелтомѣжи; но по какому праву Петръ Николаевичъ перенесъ его къ себѣ въ домъ, мнѣ неизвѣстно; изъ сего возникло дѣло. Дабы при описаніи имущества образъ этотъ не былъ внесенъ въ собственную движимость покойнаго; то имѣю честь объявить, что образъ сей принадлежитъ церкви. А буде временное отдѣленіе найдетъ себя не въ правѣ отдать его въ церковь; то какъ единственный я съ братьями законные внуки дѣда нашего; а потому одни мы имѣемъ право на его благословеніе; то и прошу покорно временное отдѣленіе выдать мнѣ подъ росписку означенный образъ для храненія до окончанія дѣла.“ Временное отдѣленіе передало св. икону въ Шелтомѣжскую церковь. Это было въ 1845 г. Но ни временное отдѣленіе, ни священноцерковнослужители, ни мѣстный благочинный не донесли епархіальному начальству объ этомъ заявленіи Павла Николаевича Скрипицына и о распоряженіи, сдѣланномъ временнымъ отдѣленіемъ.

Купивъ имѣніе послѣ Скрипицыныхъ, Николай Ивановичъ Пономаревъ, вскорѣ отстроилъ и въ 1846 году іюля 20 дня освятилъ придѣлъ въ Шелтомѣжской церкви во имя великомученика Георгія чрезъ протоіерея Кашинскаго собора Стефана Димитріевича Колерова.

Между тѣмъ Павелъ Николаевичъ Скрипицынъ тотъ самый,

который въ 1845 г. заявилъ временному отдѣленію Кашинскаго земскаго суда о томъ, что образъ Божіей Матери Ченстоховской принадлежитъ Шелтомѣжской церкви, и который отказался и отъ уплаты долговъ и отъ наслѣдства послѣ умершаго дяди своего Петра Николаевича Скрипицына, подалъ въ августѣ 1850 г. прошеніе къ высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, архіепископу Тверскому и Кашинскому о томъ, чтобы дозволено было ему этотъ св. образъ перенести въ построенную имъ церковь въ село Богородское Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда. Владыка приказалъ представить справку; и такъ какъ въ дѣлахъ консисторскихъ извѣстно было только рѣшеніе преосвященнѣйшаго Григорія о томъ, что св. образъ сей; какъ собственность Скрипицыныхъ, долженъ принадлежать имъ, а не церкви Шелтомѣжской и такъ какъ въ консисторіи не было ни репорта о внесеніи образа Елѣвѣріемъ Скрипицынымъ въ 1832 г., ни донесенія о распоряженіи временнаго отдѣленія Кашинскаго земскаго суда; то владыка поспѣшилъ дать приказаніе—выдать св. икону Павлу Скрипицыну, о чемъ и посланъ былъ къ мѣстному благочинному исполнительный указъ.

Но какъ только былъ объявленъ въ Шелтомѣжи этотъ указъ, тамъ произошло страшное волненіе, народъ ни за что не хотѣлъ отдавать своей святыни, и къ преосвященнѣйшему Гавріилу въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1850 г. подано было новое прошеніе отъ довѣреннаго со стороны Пономарева, крестьянина села Коя Ивана Михайлова Пахомова, который въ своемъ прошеніи объявилъ владыкѣ, что такое дозволеніе дано безъ всякаго предварительнаго изысканія и спроса мѣстныхъ жителей касательно иконы Божіей Матери, и что икона эта не можетъ быть отдана Павлу Скрипицыну а) потому, что самъ Павелъ Скрипицынъ заявилъ письменно временному отдѣленію Кашинскаго земскаго суда о томъ, что

она принадлежит церкви села Шелтомѣжи; б) потому, что онъ отъ наслѣдства послѣ дяди своего Петра Николаевича Скрипицына отказался, почему икона и отдана была въ церковь села Шелтомѣжи и внесена въ церковную опись; в) икона сія у мѣстныхъ прихожанъ состоитъ въ особенномъ почтеніи, и по усердію къ ней прихожаниномъ Пономаревымъ устроены и освящены придѣлы въ Шелтомѣжской церкви во имя Георгія великомученика; г) на эту икону отъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ устроена значительной цѣны серебряная риза съ вызолоченными вѣнцами, украшенными жемчугомъ и разными дорогими камнями и стразами; и наконецъ д) въ случаѣ насильнаго отнятія сей иконы изъ Шелтомѣжской церкви должно ожидать волненія въ Шелтомѣжскихъ прихожанахъ. Довѣренный Пономарева крестьянинъ Пахомовъ просилъ владыку сдѣлать надлежащее изысканіе объ иконѣ; а до рѣшенія дѣла оставить ее въ Шелтомѣжской церкви. Между тѣмъ благочинный Моревъ доносилъ владыкѣ, что когда онъ прибылъ въ село Шелтомѣжи для передачи образа помѣщику Павлу Николаевичу Скрипицыну, для перенесенія онаго въ село Богородское Мышкинскаго уѣзда; то священноцерковнослужители, а особенно прихожане, несмотря на убѣжденія его благочиннаго, не допустили взять изъ церкви означенной иконы Божіей Матери, и представили письменное объясненіе, что она принадлежит ихъ Шелтомѣжской церкви; при чемъ было много шума и крику. Прихожане въ своемъ заявленіи благочинному писали тоже самое, что и довѣренный Пономарева Пахомовъ. Прихожанами представлена была засвидѣтельствованная копія съ вышеупомянутаго заявленія, поданнаго Павломъ Скрипицынымъ временному отдѣленію Кашинскаго земскаго суда. По полученіи всѣхъ этихъ бумагъ владыка приказалъ вновь изслѣдовать дѣло и представить ему заключеніе, не стѣсняясь прежнимъ

опредѣленіемъ. При этомъ новомъ изслѣдованіи Шелгомѣжскіе священноцерковнослужители показали слѣдующее: а) что икона Божіей Матери была внесена въ ихъ церковь въ 1832 г.; въ опись введена того же года при освященіи настоящей церкви, ктитормъ который былъ Елевѣерій Скрипицынъ; и съ того времени находилась въ ихъ храмѣ до перемѣщенія прежде бывшаго священника Морева; послѣ же перемѣщенія его Морева въ село Богоявленское, когда мѣстнаго священника при ихъ церкви не было *) икона, по неизвѣстнымъ имъ священноцерковнослужителямъ обстоятельствамъ, была отдана прежде бывшимъ пономаремъ Арсеніемъ Александровскимъ покойному помѣщику Петру Николаеву Скрипицыну, и находилась въ его домѣ до 1845 г. Въ теченіи этого времени съ 1832 г. Скрипицыны, съ общаго согласія и совѣта пожертвовали оную икону въ ихъ церковь; о чемъ въ 1836 г. бывшимъ благочиннымъ донесено было въ консисторію съ приложеніемъ подписки **); б) по смерти Скрипицыныхъ, племянникъ ихъ Павелъ Николаевичъ Скрипицынъ, пріѣхавши отдать послѣдній долгъ покойному дядѣ своему Петру Скрипицыну, увидѣлъ въ его домѣ икону Божіей Матери Ченстоковской; и послѣ того, подѣхавъ къ дому священника, говорилъ: „почему образъ не въ церкви; а находится въ домѣ умершаго помѣщика Петра Скрипицына?“ И прибавилъ, что „если я не увижу когда либо онаго образа въ церкви; то вынужденнымъ найдусь донести вашему начальству.“ По такому настоянію его, Павла Скрипицына, они священноцерковнослужители подали отъ себя объявленіе Кашинскому

*) Это показаніе несправедливо; священноцерковнослужители явно прикрываютъ священника Морева, который теперь былъ ихъ благочиннымъ. См. выше объясненіе прапорщика Петра Николаевича Скрипицына.

***) Репорта съ подпискою при дѣлѣ нѣтъ.

земскому суду; при чемъ и онъ Скрипицынъ съ своей стороны обѣщаль подать въ тотъ же судъ объявленіе, которое дѣйствительно и подано было въ 1845 г. *) По поданнымъ съ обѣихъ сторонъ объявленіямъ земскимъ судомъ учинено было распоряженіе, чтобы составить временное отдѣленіе касательно принадлежности Божіей Матери Шелтомѣжской церкви; и по этому распоряженію прибыли въ ихъ село члены временнаго отдѣленія и пригласили священника въ домъ умершаго Петра Скрипицына для перенесенія иконы Божіей Матери изъ дома Скрипицына въ церковь; каковое перенесеніе священникомъ и было учинено въ 1845 г. въ присутствіи вышеозначенныхъ членовъ. Съ тѣхъ поръ и до селъ, — писали священноцерковнослужители, — св. икона Божіей Матери находится въ нашей церкви. в) Пожертвованія на украшеніе Божіей Матери были учинены дѣйствительно прихожанами ихъ церкви; и хотя въ прошеніи Павла Скрипицына сказано, что будто бы жертвованія учинены были отъ однихъ его родственниковъ; но это совсѣмъ несправедливо во первыхъ потому, что покойный дядя его Елевферій Скрипицынъ, какъ бывший ктиторъ, собираль разныя жертвованія отъ добрыхъ дателей, и объ этихъ жертвованіяхъ въ 1843 г. былъ представленъ и реестръ въ консисторію; во вторыхъ самъ онъ г. Скрипицынъ неизвѣстно намъ дѣлалъ ли какія жертвованія на украшеніе того образа; а потому и не имѣеть никакого права на усвоеніе себѣ того образа; въ третьихъ, что дѣйствительно жертвованія были на украшеніе Божіей Матери, въ томъ они священноцерковнослужители дѣлають ссылку на всѣхъ прихожанъ своей церкви; въ четвертыхъ, что касается до иконы

*) См. выше это объявленіе; священноцерковнослужители представили копію съ этого объявленія.

Божіей Матери; то она дѣйствительно находится въ такомъ уваженіи какъ у нихъ священноцерковнослужителей, такъ и у прихожанъ, что по отнятїи оной изъ ихъ церкви, необходимо должно послѣдовать какъ въ нихъ сердечное и болѣзненное сокрушеніе объ ней, такъ наипаче большое волненіе во всемъ приходѣ; потому что при двухъ посѣщенїяхъ Божїихъ отъ болѣзни холеры видимо было Бѣе защищеніе въ ихъ приходѣ; въ пятыхъ, единственно по усердію своему къ Божіей Матери г. Пономаревъ, купившїй имѣніе послѣ покойныхъ господъ Скрипицыныхъ, устроилъ придѣлъ во имя великомученика Георгїя, доклатъ колокольню, и вызолотилъ вѣнцы на Божіей Матери, и кромѣ этаго дѣлалъ и дѣлаеть разныя пожертвованїя въ ихъ церковь.

Довѣренный Пономарева крестьянинъ Пахомовъ пояснилъ, что на пожертвованіе въ Шелтомѣжскую церковь иконы Божіей Матери отъ покойныхъ Кашинскихъ помѣщиковъ Скрипицыныхъ составленъ былъ съ общаго ихъ согласїя домашній актъ, который хранился у нихъ Скрипицыхъ, и объ этомъ актѣ подробно знаютъ проживающіе въ селѣ Шелтомѣжи Мышкинскїй мѣщанинъ Павелъ Скрипицынъ, Краснохолмскїй мѣщанинъ Леонтїй Мироновъ Клоповъ, и села Шелтомѣжи дьячекъ Алексѣй Лукинъ Шавровъ. Всѣ эти лица спрошены были и показали: Мышкинскїй мѣщанинъ Павелъ Петровъ Скрипицынъ, незаконный сынъ Петра Скрипицына, что онъ лично видѣлъ и читалъ этотъ актъ на пожертвованіе св. иконы Божіей Матери въ Шелтомѣжскую церковь у покойнаго Елевѣерїя Николаевича Скрипицына; но у кого этотъ актъ по смерти ихъ остался или куда представленъ, ничего ему неизвѣстно. При этомъ Павелъ Скрипицынъ прибавилъ, что эта икона есть неотъемлемая собственность Шелтомѣжской церкви, и кромѣ оной церкви никому принадлежать не можетъ. Краснохолмскїй мѣщанинъ Леонтїй Мироновъ Кло-

повъ показаль, что дѣйствительно между господами Скрипицыными былъ составленъ домашній актъ о пожертвованіи ими иконы Ченстоховской Божіей Матери въ приходскую церковь села Шелтомѣжи, и что онъ Клоповъ, проживая у покойнаго Елевѣерія Скрипицына въ должности прикащика, лично видѣлъ этотъ актъ и читаль; но у кого этотъ актъ остался послѣ смерти господъ Скрипицыныхъ, или куда поступилъ, ему неизвѣстно.

Тоже самое подтвердилъ и дьячекъ Алексѣй Лукинъ Шавровъ.

Сдѣлана была справка по книгамъ церковнымъ; и въ нихъ оказалось, что св. икона записана была въ церковную опись подъ № 16-мъ; спрошены были прихожане и сосѣдніе крестьяне о томъ, кому принадлежитъ св. икона, и не дѣлали ли они пожертвованій на украшеніе ея; всѣ спрошенные единодушно отвѣчали, что икона принадлежитъ церкви, и что они по возможности жертвовали отъ себя на ея украшеніе, и что всѣ они единодушно желаютъ, чтобы она была оставлена въ приходскомъ храмѣ.

По соображенію всѣхъ этихъ обстоятельствъ консисторія мнѣніемъ постановила: Павлу Скрипицыну въ прошеніи его о перенесеніи св. иконы изъ села Шелтомѣжи въ село Богородское Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи отказать, и св. икону навсегда оставить въ церкви села Шелтомѣжи и считать ее неотъемлемою собственностію этой церкви, на равнѣ съ прочимъ церковнымъ имуществомъ. Но дабы впредь не послѣдовало новыхъ возраженій и прошеній отъ Скрипицыныхъ; то съ прописаніемъ нужныхъ изъ дѣла обстоятельствъ взойти отъ имени его высокопреосвященства въ Св. Синодъ съ надлежащимъ представленіемъ. Владыка утвердилъ это мнѣніе 15-го марта 1851 г. Св. Синодъ съ своей стороны вполне согласился съ представленіемъ владыки, и указомъ

своимъ отъ 7-го іюня 1851 г. (за № 4613) навсегда оставилъ св. икону въ Шелтомѣжской церкви.

Такъ св. икона Божіей Матери, именуемая Ченстоховскою, послѣ долгихъ препирательствъ и споровъ, наконецъ обрѣла себѣ всегдашнее тихое, и мирное пристанище въ храмѣ Божіемъ въ селѣ Шелтомѣжи;—куда всѣ вѣрующіе во всякое время безъ всякаго затрудненія, свободно и безпрепятственно могутъ притекать, и гдѣ всегда могутъ изливать предъ ней и молитвы и словесловія свои.

Нельзя не видѣть изъ всей исторіи объ этой св. иконѣ, какъ промыслъ Божій премудро и долготерпѣливо исправлялъ многія и многія ошибки и самого Николая Димитріевича Скрипицына и другихъ многихъ лицъ принимавшихъ такъ или иначе участіе въ этомъ дѣлѣ; и неисповѣдимыми своими путями довелъ св. икону въ Шелтомѣжскій храмъ, гдѣ Ей всегда подобало пребывать.

Вскорѣ послѣ того, какъ навсегда водворилась св. икона въ храмъ Божіемъ, явилось и у самихъ прихожанъ Шелтомѣжскихъ и у нѣкоторыхъ сосѣднихъ крестьянъ, особенно чтившихъ св. икону желаніе устроить въ честь Ея придѣлъ въ Шелтомѣжскомъ храмѣ; но такъ какъ прежняя трапеза, гдѣ находился придѣлъ во имя великомученика Георгія, была мала и тѣсна, да и грозила опасностію отъ непрочности свода; то священноцерковнослужители и прихожане подали въ 1834 г. (въ мартѣ мѣсяцѣ) прошеніе къ высокопреосвященнѣйшему Саввѣ о дозволеніи имъ перестроить трапезу и устроить въ ней два престола—одинъ во имя Георгія великомученика, а другой во славу Божіей Матери Ченстоховскія. Въ своемъ прошеніи священноцерковнослужители и прихожане между прочимъ писали, что необходимо перестроить трапезу „какъ по ветхости ея, такъ и по неудобовмѣстительности для приходящихъ изъ окрестныхъ мѣстъ богомольцевъ, которые

благоговѣя къ святынь, вынуждены бывають стоять внѣ храма; и что для осуществленія этой богоугодной цѣли избранъ прихожанами въ строителя крестьянинъ села Коя деревни Старова Алексѣй Егоровъ Сорокинъ—благорасположенный къ святынь и готовый принять полное участіе въ устроеніи придѣльнаго храма, на что и пожертвоваль 2 тысячи рублей. Кромѣ того пожертвовано неизвѣстными лицами еще 2300 руб.“ Изъ такихъ пожертвованій и тайныхъ приношеній нельзя не видѣть, что усердіе къ Божіей Матери было велико и жертвователей—не мало. Владыка разрѣшилъ перестроить трапезу; и освященіе храма послѣдовало 4 дек. 1884 г. мѣстнымъ благочиннымъ священникомъ села Боженьки Александромъ Никольскимъ. По отзыву этого благочиннаго „въ храмѣ все устроено благолѣпно.“

Выше мы сказали, что въ нынѣшнемъ 1887 г. пошло представленіе епархіальнаго начальства въ Св. Синодъ съ испрашиваніемъ разрѣшенія устроить при церкви села Шелтомѣжи женскую общину во имя Ченстоховской Божіей Матери и при этой общинѣ училище для дѣтей и пріюта для престарѣлыхъ и убогихъ. При этомъ представлены всѣ необходимыя свѣдѣнія и документы; и мы надѣемся что вскорѣ послѣдуетъ и соизволеніе отъ Высочайшей власти и разрѣшеніе отъ Св. Синода на это доброе и святое дѣло. И тогда еще болѣе прославится икона Божіей Матери, и привлечеть къ себѣ еще болѣе вѣрующихъ. Дай Богъ! *)

*) Когда послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе и разрѣшеніе Св. Синода на учрежденіе женской общины при церкви села Шелтомѣжи во имя Ченстоховской Божіей Матери, редація не замедлитъ сообщить подробныя свѣдѣнія касательно устройства этой общины.

Такъ какъ изъ официальныхъ документовъ мало раскрыто подробностей о явленіи св. иконы, а равно вовсе не упоминается о благодатной помощи вѣрующимъ отъ этой св. иконы; а между тѣмъ свѣдѣнія объ

**Матеріали заключаючієся въ рукописи Тверскаго Музея
подъ № 2130.**

(Продолженіе)

На основаніи представленнаго изложенія содержанія документовъ рукописи трудно, конечно, судить о цѣнности и значеніи заключающагося въ нихъ историческаго матеріала. Большинство документовъ состоитъ, какъ видимъ, изъ торжественныхъ рѣчей, одъ, кантовъ, мадригаловъ, краестрочій, стиховъ и прочее, т. е. такихъ документовъ, съ которыми мы привыкли соединять представленіе какъ о чемъ-то мало-содержательномъ. Нельзя не обратить при этомъ вниманія и на то, что почти всѣ они имѣютъ панегирической характеръ, препятствующій до извѣстной степени высказывать истинныя чувства и способный преувеличивать заслуги тѣхъ лицъ, къ которымъ они относятся.

Изъ общаго содержанія документовъ видно, что почти всѣ они посвящены управлявшимъ въ то время Тверскою епархією преосвященнымъ Гавріилу, Платону и Арсенію, или относятся къ обстоятельствамъ изъ времени ихъ управленія. Семинаріи XVIII столѣтія, которымъ принадлежатъ документы рукописи, были поставлены, какъ извѣстно, въ полную зависимость отъ епархіальныхъ архіереевъ не только въ учебномъ и нравственномъ, но и матеріальномъ отношеніи; почти исключительно содержались на средства епархіальныхъ архіерейскихъ каѳедръ, и потому слишкомъ дорожили добрыми отношеніями къ нимъ преосвященныхъ и всѣчески старались сохранить ихъ расположеніе къ себѣ. Въ этомъ могутъ храниться въ памяти и устно преданіи вѣрующіхъ; то желательно чтобы эти свѣдѣнія были собраны и сообщены духовному начальству съ возможною полною и точною провѣркою ихъ, для обнаруженія во славу Божіей Матери.

исторіи духовнаго просвѣщенія были случаи, когда семинаріи должны были влачить жалкое существованіе и даже совершенно закрываться вслѣдствіе или бѣдности архіерейской каѳедры, или просто по нелюбви преосвященнаго къ образованію. Понятно отсюда, какъ осторожно должна была относиться семинарія къ своему епархіальному архіерею, державшему въ своихъ рукахъ судьбу не только каждаго преподавателя и властному во всякое время подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ удалить каждаго изъ нихъ, но и судьбу цѣлаго учебнаго заведенія.

Не смотря на указанныя свойства и обстоятельства, при какихъ появились документы рукописи, за ними нельзя не признать историческаго значенія и извѣстнаго интереса. Прежде всего, какъ специально относящіеся къ семинаріи и въ извѣстной степени характеризующіе положеніе послѣдней во второй половинѣ XVIII столѣтія, документы эти имѣютъ неоспоримое значеніе. Кромѣ того, что всѣ они служатъ памятниками, свидѣтельствующими о степени выработки стилистики и способности учениковъ къ авторству, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются взгляды современниковъ на характеръ образованія, могущіе имѣть цѣнное значеніе при сужденіи объ общемъ направленіи тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеній. Такова рѣчь, «о пользѣ наукъ», составленная преподавателемъ Архангелогородской духовной семинаріи, въ которой указывается значеніе каждой науки въ системѣ тогдашняго духовнаго образованія и какъ-бы начертывается цѣль, къ осуществленію которой оно стремилось. Этимъ впрочемъ не ограничивается значеніе матеріаловъ рукописи. Есть въ ней такіе документы, которые имѣютъ не только частное, но и общее значеніе. Такимъ является, по нашему мнѣнію, полный интереса «воплъ купецкихъ и разночинческихъ дѣтей», написанный въ формѣ прошенія

къ преосвященному Платону и принадлежащій, какъ можно судить на основаніи сличенія рукописныхъ памятникѣвъ, извѣстному любителю духовнаго просвѣщенія 18-го столѣтія Тверскому купцу Карманову, оставившему послѣ себя нѣсколько рукописныхъ проповѣдей и богословскихъ трактатовъ. Даже тѣ документы, которые при первомъ взглядѣ на нихъ могутъ показаться чуждыми всякаго значенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи и по освобожденіи отъ различныхъ пѣтическихъ украшеній, нерѣдко заключаютъ въ себѣ цѣнный матеріаль, относящійся какъ къ исторіи семинаріи, такъ и къ дѣятельности управлявшихъ въ то время преосвященныхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополняютъ и исправляютъ тѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ въ сочиненіи о. протоіерея Чередѣева «Віографіи Тверскихъ іерарховъ».

Приступая къ изложенію историческаго матеріала рукописи, мы считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать самый краткій очеркъ внѣшняго положенія семинаріи до управленія Тверскою епархією преосвященныхъ Гавріила, Платона и Арсенія, ко времени которыхъ относятся документы рукописи.

Первоначальная исторія Тверской семинаріи ничѣмъ не отличалась отъ исторіи духовно-учебныхъ заведеній прошлаго столѣтія въ другихъ епархіяхъ. Получивъ свое начало въ силу Регламента, предписывавшаго всеѣмъ епархіальнымъ архіереямъ заводить при своихъ архіерейскихъ домахъ школы для приготовленія дѣтей «въ надежду священства», она до самаго 1739 года носила названіе школы и ограничивалась самыми элементарными предметами преподаванія изученіемъ славянской грамматики, отчасти греческой, букваря, содержавшаго въ себѣ одни только начатки христіанскаго ученія и назначеннаго собственно для народа, и, наконецъ, арифметики. Съ 1739 года обстоятельства архіерейской школы измѣняются. На мѣсто низложеннаго архіепископа Тео-

филакты Лопатинскаго на Тверскую кафедру вступилъ Митрофанъ Слотвинскій, человекъ образованный и весьма дѣятельный. Онъ употребилъ все средства, чтобы утвердить, распространить и возвысить образованіе дѣтей духовнаго званія, и къ прежнимъ классамъ школы, — чтенія и чистописанія, ариѳметики и славяно-греческой грамматики, прибавилъ классы: 1) Синтаксисы, 2) Піитики, 3) Риторики и 4) Философіи. Но особенно серьезное вниманіе преосвященный Митрофанъ обратилъ на устраненіе крайне печальнаго явленія тогдашней учебной жизни, въ сильной степени препятствовавшаго правильной постановкѣ учебныхъ занятій. Мы разумѣемъ развѣвшееся среди учениковъ бѣгство изъ школы, достигавшее иногда поразительныхъ размѣровъ. Въ исторіи семинаріи, печатающейся въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, немало приведено такихъ случаевъ. Но особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ изъ нихъ, когда изъ школы разбѣжались все ученики и оставили одного учителя. При этомъ, желая скрыть слѣды своего пребыванія, школьники ухитрились похитить и реестръ съ обозначеніемъ ихъ именъ и фамилій, такъ что «и справится было не почему». Усиленію бѣгства учениковъ изъ школы много содѣйствовало какъ необычное положеніе въ то время архіерейской кафедры, такъ и нежеланіе самаго духовенства обучать дѣтей своихъ. Преосвященный Теофилактъ, находясь подъ слѣдствіемъ съ 1735 и до 1739 года и устраненный отъ управленія епархіальными дѣлами, не могъ, очевидно, съ должнымъ вниманіемъ относиться къ школѣ и наблюдать за правильнымъ теченіемъ учебныхъ занятій. Вслѣдствіе этого «въ домовой, что въ Федоровскомъ монастырѣ его преосвященства, греко-славянской школѣ», какъ доносилъ отъ 22 января 1736 года учитель Иванъ Евдокимовъ, «учениковъ осталось зѣло малое число, а сами собою отъ духовнаго чи-

на дѣтей своихъ, какъ города Твери, такъ и другихъ городовъ и уѣздовъ въ школу не приводятъ».

Изъ этого доношенія видно, что даже духовенство города Твери, которому было вполне возможно и удобно посылать своихъ дѣтей въ школу, не только «само собою» не приводило дѣтей въ школу, но всѣми силами уклонялось отъ этого, пользуясь невозможностію для преосвященнаго вникать въ школьное дѣло. Преосвященный Митрофанъ Слотвинскій, вступивши на Тверскую кафедру и задавшись мыслию основать семинарію, на первыхъ же порахъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ косностью духовенства и употребить строгія мѣры для побужденія его посылать своихъ дѣтей въ семинарію. Безъ этой борьбы всѣ заботы его о семинаріи не могли имѣть значеніе уже потому, что школа не могла существовать безъ учениковъ. Вотъ почему дѣятельность преосвященнаго Митрофана, направленная къ побужденію духовенства епархіи къ отдачѣ дѣтей своихъ въ школу и къ прекращенію бѣгства учениковъ, достойнымъ образомъ была оцѣнена ближайшимъ ко времени Митрофана Слотвинскаго поколѣніемъ семинарскихъ питомцевъ и имѣла, несомнѣнно, громадное значеніе для дальнѣйшей исторической судьбы семинаріи. Авторъ одной наиболѣе замѣчательной и чаще другихъ встрѣчающейся оды смотритъ на эту дѣятельность преосвященнаго Митрофана, какъ на внушенную свыше, какъ на дѣло, порученное ему Самимъ Богомъ. Вотъ слова оды, характеризующія эту дѣятельность преосвященнаго Митрофана:

«Сей Митрофанъ преосвященный
Безсмертія достойный мужъ,
По истинѣ былъ совершенный
Рачитель порученныхъ душъ.

* * *

Извѣстно, что самимъ онъ дѣломъ
Ту должность тшился проходить;
Хоть трудно въ родѣ законѣломъ
Въ невѣжествѣ могло то быть.
Но трудъ къ трудамъ онъ припрягаетъ
И всякій способъ избираетъ,
Чтобъ вредный истребить тотъ нравъ,
Чтобъ грубости отнять препону,
И путь открыть тому закону,
Кой держитъ мудрости уставъ.

* * *

Великаго труда то дѣло
Было, чтобъ тамъ науки ввести,
Невѣжество гдѣ свирѣпѣло,
Покравши свѣтлыхъ мыслей честь.
Не зная красоты отѣнной,
Въ науки нѣдрахъ сокровенной,
Народъ во тьмѣ тогда сидѣлъ.
Вороться надлежало сильно
Съ невѣжествомъ, чего обильно
Тотъ наипаче вѣкъ имѣлъ.

* * *

Родители, имѣвъ слѣзую
И вредну для дѣтей любовь,
Презрѣвши пользу ихъ драгую
Держались крѣпко за сыновъ;
Противились весьма упорно;
Не отдавали ихъ покорно,
Въ полезныя мѣста наукъ.
Когда же въ оны провожали,
Съ ужаснымъ воплемъ всѣ рыдали,
Ведя ихъ, какъ на мѣсто мукъ.

* * *

Но пастырскій трудъ непрерывный
И непричастна бодрость сна.
Надъ грубостью верхъ взяли дивный,
Какой беретъ надъ льдомъ весна:
Она снѣгъ жаркими лучами
Растаявъ, воды льетъ рѣками;
Такъ ревность, тщаніе и трудъ
Пекущагося Митрофана,
Особенной судьбой избрана,
Сердцамъ замерзшимъ жизнь даютъ».

* * *

Дѣятельность преосвященнаго Митрофана продолжалась съ 1739 по 1752 годъ. Благодаря продолжительному сравнительно пребыванію преосвященнаго на Тверской каедрѣ и особенно его заботамъ объ образованіи дѣтей духовенства, обнаружившимся между прочимъ въ отправленіи въ 1747 г. 15 учениковъ Тверской семинаріи въ Московскую академію для слушанія философскаго и богословскаго курса, Тверская семинарія получила такую прочную основу, что порядки, установленныя преосвященнымъ Митрофаномъ, явилось возможнымъ поддержать даже безъ участія со стороны преемниковъ Митрофана Слотвинскаго. Преемниками его по каедрѣ были преосвященные—Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ (1753—1758 г.) и Аѳанасій Вольховскій (1758—1763 г.). Умолчаніе о нихъ автора вышеупомянутой оды ясно, намъ кажется, даетъ понять, что они не проявили никакой, съ своей стороны, попечительности о благоустройствѣ семинаріи и дальнѣйшемъ усовершенствованіи ея учебнаго курса. Да едва-ли они и интересовались этимъ дѣломъ. Въ сочиненіи «Віографіи Тверскихъ іерарховъ» точно также ни однимъ намекомъ не указывается на такую ихъ дѣятельность. Какъ на выдающіяся черты дѣятельности преосвященнаго

* * *

Веніамина въ этомъ сочиненіи указывается на то, что онъ, будучи, вѣроятно, любителемъ колоколеннаго звона, «слилъ для колокольни кафедральнаго собора два колокола, возобновилъ колоколенные часы и слилъ для нихъ колоколъ въ 60 пудовъ». А объ епископѣ Аѳанасіѣ Вольховскомъ авторъ названнаго сочиненія замѣтилъ только, что «и сему святителю досталось нѣчто устроить въ колокольнѣ кафедральнаго собора: ибо шпигъ былъ поставленъ на ней некрасивъ, и при парашетахъ площадки не достланы, около оконъ рѣзба не положена, и внутрь и внѣ алебастромъ не обдѣлана».

Только третій преемникъ Митрофана Слотвинскаго, преосвященный Иннокентій, не смотря на свое четырехмѣсячное пребываніе на кафедрѣ, оставилъ по себѣ добрую память, такъ что въ вышепомянутой одѣ—о немъ дѣлается слѣдующій отзывъ:

«Епископъ Иннокентій—многій

Благоволенья опытъ далъ

И виды попеченья строги

О музѣ блаженствѣ показаль.

Хоть пастыремъ былъ время кратко,

Но музамъ было въ немъ пресладко:

Къ тому все силы напругать,

Что множило ихъ совершенство,

Для общей пользы и блаженства,

Что счастье могло имъ дать».

Изъ этого краткаго очерка внѣшняго быта нашей семинаріи, съ самаго ея основанія, видно, что въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтія, считая отъ смерти преосвященнаго Митрофана Слотвинскаго, она оставалась въ одномъ и томъ же положеніи, ровно ничего не прибавивъ къ тому, что получила отъ своего фундатора, хотя ей не доставало самаго

главнаго — богословскаго курса. Нужно, впрочемъ, благодарить судьбу, что семинарія съумѣла сохранить въ цѣлости тѣ основы, которыя положены были преосвященнымъ Митрофаномъ. При извѣстномъ уже отношеніи къ семинарії ближайшихъ преемниковъ Митрофана Слотвинскаго, эта честь должна всецѣло быть приписана лицамъ, которымъ ввѣрено было образованіе духовнаго юношества. Мы не можемъ опредѣленно сказать, кто въ это десятилѣтіе былъ ректоромъ семинарії и былъ ли даже ректоръ; равнымъ образомъ — и того, кто были ея учителями. Извѣстно только, что въ концѣ управленія епархіею Аѳ. Вольховскимъ ректоромъ былъ святитель Тихонъ Задонскій, о дѣятельности котораго хотя и не осталось извѣстій, но можно думать, что семинарія многимъ обязана трудамъ этого святителя въ сохраненіи учебныхъ порядковъ, установленныхъ Митрофаномъ Слотвинскимъ. Къ этому же времени относится дѣятельность и другаго труженика нашей семинарії — Арсенія Верещагина, посвятившаго все свои молодыя силы на просвѣщеніе духовнаго юношества и впоследствии поставившаго Тверскую семинарію на высокую степень совершенства.

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что сама семинарія, уже успѣвшая вкусить плоды ученія книжнаго, съ неудовольствіемъ смотрѣла на предшествующій десятилѣтній застоій въ учебномъ дѣлѣ и видѣла въ немъ для себя какъ-бы наказаніе Божіе.

Испытавъ немало, вѣроятно, невзгодъ въ теченіе этого времени и обманутая въ своихъ надеждахъ на продолжительное пребываніе преосвященнаго Иннокентія, на первыхъ же порахъ обнаружившаго свою любовь къ духовному просвѣщенію, семинарія съ трепетомъ ожидала назначенія новаго архипастыря. Это состояніе семинарії и послѣдовавшая затѣмъ радость ея, по поводу назначенія епископомъ

пресвященнаго Гавріила, прекрасно изображены въ одѣ къ послѣдному, въ которой авторъ высказываетъ такія чувства:

«Какой въ блистаніи томъ ясномъ
Мысль предъ собою зрять предметъ?
Какой въ видѣніи прекрасномъ
Ей представляется днесь свѣтъ?
Иль тѣпью льститъ напрасный сонъ!
Оставь, мой духъ, противны споры!
Не ложная прельщаетъ тѣнь!

Въ назначеніи преосвященнаго Гавріила авторъ видитъ дѣйствіе Промысла Божія, наблюдающаго при наказаніи правый судъ.

Всесильный—Я—своей державой,
влагаетъ онъ въ уста Бога слова, обращенныя къ
преосвященному,—

Что на себѣ дознала Тверь,
Казнилъ, судъ наблюдая правый;
Но милосердія ужъ дверь
Отверсть хочу, и благъ пучину
Излить скорѣй, *отнявъ причину.*

Въ словахъ автора оды «отнявъ причину» заключается, намъ кажется, указаніе на безучастное отношеніе первыхъ пресмниковъ Митрофана Слотвинскаго къ положенію семинаріи.

(продолженіе будетъ).

О новомъ евангеліи гр. Толстаго.

(Окончаніе).

Въ самомъ дѣлѣ, что такое зло, о непротивленіи которому учить новое евангеліе? Если сущность добра есть любовь, къ которой и къ „новомъ евангеліи“ сводятся, нако-

нецъ, пять заповѣдей: то сущностью зла долженъ быть признанъ эгоизмъ, а нравственно злымъ — такое настроеніе, отдавшійся которому, человекъ себя самого считаетъ цѣлю, а все, что его окружаетъ, съ чѣмъ онъ такъ или иначе соприкасается, разсматриваетъ лишь, какъ средство и орудіе для осуществленія своихъ личныхъ интересовъ, какъ предметъ эксплуатаціи. Смотря по характеру природныхъ наклонностей человека, его эгоизмъ, нравственное зло, овладѣвшее имъ, проявляется или въ формѣ чувственности, или въ формѣ гордости. Нравственное зло, подобно добру, есть сила, но въ противоположность добру, какъ силѣ творческой, созидающей, — сила разрушительная. Его разрушительныя дѣйствія направляются прежде всего на самого его носителя и обнаруживаютъ себя тѣмъ, что извращаютъ его сужденія о достоинствѣ предметовъ, о цѣляхъ жизни, поселяютъ въ немъ чувство постоянного мучительнаго недовольства и внутренняго раздвоенія, нарушаютъ правильность отношеній между его тѣлесною и душевною жизнью и наконецъ, не встрѣчая противодѣйствія, потрясаютъ и разрушаютъ все его существо. Всѣ эти и подобныя дѣйствія особенно рельефно сказываются тогда, когда нравственное зло, подчинивъ себѣ человека, раскрывается въ формѣ чувственныхъ страстей, или такихъ духовныхъ, какъ скупость. Но разрушительная сила нравственнаго зла не ограничивается тѣми индивидуумами, тѣми единичными личностями, въ которыхъ дѣйствуетъ первоначально; она неминуемо выходитъ за предѣлы единичной жизни и вноситъ беспорядокъ, разрушеніе во все, что входитъ въ сферу вліянія человека нравственно злаго. Ибо какъ скоро человекъ пересталъ видѣть въ подобныхъ себѣ цѣль своей дѣятельности и началъ разсматривать ихъ лишь, какъ средства для достиженія собственныхъ выгодъ, — съ этого момента онъ уже не другъ, а врагъ окружающихъ.

Если подобный человек не обладает достаточною силою, высшимъ могуществомъ, онъ хитритъ, коварствуетъ, измѣняетъ, предательствуетъ, гдѣ нужно—льститъ, унижается и, во всякомъ случаѣ, жлетъ и обманываетъ; если же онъ собрался съ силами, онъ оскорбляетъ и грабитъ, систематически тѣснить и угнетаетъ, терзаетъ и убиваетъ и, наконецъ, въ мукахъ и смерти другихъ находитъ развлеченіе и потѣху. Подъ руками такого дѣателя страдаетъ и замираетъ постепенно все слабое и беспомощное. Однако, разрушительной силѣ зла поддаются не отдѣльныя только лица, какъ бы много ихъ ни было, но цѣлыя необъятныя массы людей, цѣлыя племена и народы, даже человѣческія расы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о рабствѣ—этомъ позорномъ институтѣ, поправшемъ всѣ божескія и человѣческія права и, между прочимъ, извлекшемъ изъ недръ Африки и загубившемъ до 4 милліоновъ лучшаго туземнаго населенія; достаточно вспомнить о потокахъ крови и опустошеніяхъ, пролитыхъ и произведенныхъ завоевателями, подобными Тамерлану. Зло въ своихъ разрушительныхъ дѣйствіяхъ ненасыσιμο; оно не скажетъ «довольно» до тѣхъ поръ, пока есть что разрушать. Отсутствіе противодѣйствія только поощряетъ его. Замѣтивъ, что отпора нѣтъ и не будетъ, оно, обыкновенно, оставляетъ осторожность, перестаетъ прикрываться личиною добропорядочности и начинаетъ тѣшиться открыто, на всей своей волѣ, съ грубымъ и нахальнымъ цинизмомъ. Зло, наконецъ, съ ненавистью относится къ добру, по существенной противоположности съ послѣднимъ, и постоянно, то сознательно, то безсознательно, ставитъ преграды его созидающей дѣятельности. Указаннымъ характеромъ нравственнаго зла и его проявленіями, о которыхъ каждому ясно говорятъ и его личный опытъ, и окружающая жизнь, и исторія, само собою опредѣляется

отношеніе ко злу всѣхъ, кто стремится къ осуществленію въ мирѣ добра. Это отношеніе должно характеризоваться противленіемъ злу, борьбою съ нимъ. И эта борьба должна быть ведена при помощи всевозможныхъ мѣръ и средствъ — при помощи закона, власти, суда, путемъ личной неустанной, энергической дѣятельности, направляемой къ тому, чтобы парализовать, подавлять и уничтожать зло; ибо оно, какъ нѣчто не нормальное, противоестественное, не должно существовать. Однако же, Спасителю нашему принадлежитъ заповѣдь: не противься злему (Мѣ. 5, 39). Да, и ее не слѣдуетъ забывать. Но она можетъ и должна быть прилагаема лишь по отношенію къ личной жизни. Если меня оскорбляютъ, бранятъ, давятъ презрѣніемъ, утѣсняють; мнѣ не слѣдуетъ противиться этимъ обнаруженіямъ зла: надобно терпѣть. Ибо только подъ этимъ условіемъ возможно сохранить, возвысить и укрѣпить нравственную чистоту души, образовать кроткій, но твердый характеръ и выработать изъ себя спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благонадежнаго и непостыднаго дѣятеля во благо и пользу другимъ. А какъ скоро на брань я отвѣтилъ бранью, на интригу интригой, я палъ, нравственно унизилъ себя. Однако, и по отношенію къ личной жизни заповѣдь Христова о непротивленіи злу допускаетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, исключенія. Такъ, когда зло, направляясь противъ меня, обнаруживается въ формѣ возмутительно гнусной, я долженъ дать отпоръ не ради тягости личной обиды, а въ виду самой гнусности обнаруженія. Примѣръ такого противленія далъ намъ Спаситель. Когда, приведенный къ первосвященнику, Спаситель сталъ отвѣчать на предложенный вопросъ; служитель первосвященника ударилъ отвѣчавшаго по щекамъ. Совершилась двойная гнусность. Во первыхъ, заушенъ былъ человекъ и безъ того страдавшій, заушенъ безъ достаточнаго повода и внѣш-

ного побужденія, лишь изъ желанія подслужиться господину, и въ надеждѣ на безнаказанность. Гнусность дальнѣйшая: господинъ, несомнѣнно понимавшій низость поступка, не сдѣлалъ низкому замѣчанія и, какъ бы, принялъ постыдную услугу. И вотъ, изъ кроткихъ устъ раздался протестъ: „если Я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня!“ (Іоан. 18, 23). Далѣе, если зло, направленное противъ меня, грозитъ нарушить миръ общества, построившаго жизнь свою на одинаковыхъ для всѣхъ своихъ членовъ религіозно нравственныхъ христіанскихъ началахъ, порвать отношенія братства, скрѣпляющія это общество; тогда я снова долженъ воспротивиться злу, вступить въ борьбу съ нимъ и опять не ради личной обиды, а по уваженію и преданности къ обществу, въ желаніи содѣйствовать правильному теченію его жизни, благоустройству которой равно благодѣтельно для каждаго изъ его членовъ. (См. Мѡ. 18, 15—17). Но если заповѣдь о непротивленіи злу должна быть примѣняема, съ извѣстными ограниченіями, въ личной жизни, то ея повелительный голосъ неминусемо долженъ умолкнуть, когда зло направляетъ свою силу на то, что внѣ насъ; и по отношенію къ чему мы имѣемъ нравственныя обязанности. Ибо здѣсь вступаютъ въ дѣйствіе уже другія заповѣди, и первая изъ нихъ—любить Господа Бога всею крѣпостію, и въ силу этой любви возставать противъ всякаго кощунства и поруганія святыни, противъ всякой попытки превратить мѣсто святое въ вертепъ разбойниковъ; затѣмъ, вторая—полагать душу свою за други своя, ограждая ихъ отъ соблазновъ, защищая отъ притѣсненій, разрывая сѣти, свитыя около нихъ ложью и коварствомъ. Такъ именно должно быть, дабы доставить торжество добру, такъ и бываетъ, и потому добрые дѣятели справедливо получаютъ названіе борцовъ противъ зла за правду и добро. Но не такъ учить

„новое евангеліе“. Заповѣдь Спасителя о непротивленіи злу буквально повторена еѣ немѣ, появилась почти единственною, господствующею заповѣдью, такъ какъ ей приданъ безграничный смыслъ, въ силу чего ея исполнитель не долженъ возставать противъ зла, надъ чѣмъ бы и какъ бы оно ни дѣйствовало; а этимъ-то въ нее и вообще въ новоевангеліскую мораль и внесенъ духъ буддизма. Въ самомъ дѣлѣ ревностный исполнитель заповѣди о непротивленіи злу, по духу „новаго евангелія“, необходимо долженъ сдѣлаться совершенно пассивнымъ существомъ; зло въ жизни постоянно проявляется въ той, или другой формѣ, и потому доброму дѣятелю на каждомъ шагу представляются случаи борьбы съ нимъ; борьба эта, однако, какъ насиліе и потому какъ нѣчто злое, воспрещена „новымъ евангеліемъ“. Что же остается? Остается—опустить руки, прекратить служеніе на благо и пользу окружающихъ, порвать связи съ обществомъ и удалиться куда нибудь въ пустынное, безлюдное мѣсто. Далѣе исполнитель новоевангеліской заповѣди неизбежно долженъ — и это главное — извратить собственную природу, убить свою живую душу. Представьте себѣ такіе напр. случаи, бывшіе въ дѣйствительности: въ безумной ярости и злобѣ мужъ рѣшился извести свою жену и рѣшеніе свое приводитъ въ исполненіе. Въ уединенномъ мѣстѣ, при наступленіи ночи, онъ начинаетъ съчь ее, слабую и беременную, арапникомъ; истязаніе прерывается вслѣдствіе того, что устали у истязующаго руки, и послѣ отдыха начинается снова; и такъ всю ночь. На зарѣ, передъ палачемъ—весь истерзанный и бездыханный трупъ. Еще: злая мать положила избавиться отъ своего пятилѣтняго сына не убійствомъ, чтобы не подвергнуться карѣ, а съ помощью мученій ребенка; и вотъ она постоянно и нещадно его наказываетъ, на дѣтскія мольбы о прощеніи и помилованіи отвѣчаетъ тѣмъ, что разбиваетъ

своему дѣтищу въ кровь лицо и т. д.; и только вмѣшательство власти налагаетъ узду на эти проявленія зла. Какъ долженъ поступить при видѣ этихъ и подобныхъ имъ дѣйствій послѣдователь новоевангельской морали? Онъ долженъ остаться безучастнымъ, равнодушнымъ, далекимъ отъ попытки сдержать расходившееся зло, ибо такая попытка будетъ насиліемъ, а это—зло, строго ему воспрещенное; и самое большее, что позволительно ему сдѣлать въ подобномъ случаѣ, это—сказать жертвѣ: не противься злу, а палачу; послушай, оставь; вѣдь, въ истязуемомъ тобою, какъ и въ тебѣ, одно и то же начало жизни разумнѣе; а это начало жизни—разумнѣе есть Богъ. Что же, однако, нужно для того чтобы воспитать въ себѣ подобную пассивность и равнодушіе? Нужно или настолько проникнуться зломъ, чтобы находить удовольствіе въ зрѣлищѣ мукъ, или же подавить въ себѣ чувство состраданія и милосердія, чувство справедливости, естественное желаніе дѣятельно помочь страждущему, забыть о томъ что такое добро и зло, радость и горе, словомъ—убить въ себѣ все живое, душу, личность. Но, вѣдь это и есть идеаль буддизма, къ осуществленію, котораго въ концѣ концовъ и направлена вся буддѣйская мораль. По буддизму высшее нравственное совершенство состоитъ въ приближеніи къ нирванѣ, къ небытію и пріобрѣтается чрезъ полное отрѣшеніе отъ личной жизни и всѣхъ обнаруженій бытія. На первой ступени нравственнаго совершенства идеальный буддѣйскій подвижникъ свободенъ отъ пожеланій, отъ узъ грѣха и порока и объятъ мыслию о нирванѣ; на второй ступени подвижникъ, вслѣдствіе сосредоточенности на одной мысли, начинаетъ уже терять способность различенія и разсудочности; на третьей приходитъ въ состояніе безразличія, на четвертой—въ немъ потухаетъ всякое чувство, и радо-

сти и скорби, теряется память и т. д.¹⁾ Да, мораль „новаго евангелія“ по духу и тѣмъ слѣдствіямъ, къ которымъ неизбежно должна вести, есть мораль буддѣйская. Но если такъ, то это опять не ново, не оригинально, не представляетъ обнаруженій могучаго, самобытнаго ума, уразумѣвшаго недоступную для другихъ истину и нисколько не привлекательно; въ виду подобной морали невольно содрогнется каждый добрый и дѣятельный духъ и возмутится всякое здоровое нравственное чувство. И во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, странно выдавать подобную мораль за новоеоткрытое и истинное ученіе Христа. И снова вопросъ: чѣмъ все это вызвано и можетъ быть оправдано — остается безъ отвѣта.

Не блещутъ новизною откровеніемъ самобытной и сильной мысли и второстепенные отдѣлы „новаго евангелія.“ Изъ этихъ отдѣловъ кажущаяся оригинальностію обращаютъ на себя нѣкоторое вниманіе тѣ, въ которыхъ переданы немногія изъ чудесъ совершенныхъ Христомъ, при чемъ слѣпой, чудесно прозрѣвшій, является глупымъ, который все понялъ, какъ скоро узналъ отъ Иисуса, что онъ, глухой, сынъ духа — отца; исцѣленіе скорченной представляется дѣйствіемъ обыкновеннаго врачеванія. Однако и это не ново, а есть простое повтореніе стараго. Еще въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ, отрицая возможность чудесъ и въ то же время желая сохранить подлинность и достовѣрность евангелій, усиливались объяснять и понимать чудеса Христовы, какъ естественные факты. По ихъ воззрѣнію, евангелисты вовсе не имѣли въ виду повѣствовать о чудесахъ, а описывали всedневные факты. Такъ, утверж-

¹⁾ Хрисановъ, Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Т. 1-й, стр. 449—453.

дали Они, Христось не разслабленнаго исцѣлилъ, а просто уличилъ обманщика; Онъ не обращалъ воды въ вино, а доставилъ тайнымъ образомъ новый запасъ вина; Онъ не умножилъ хлѣбъ въ пустынь, но, раздавъ собственные и бывшіе у учениковъ, показалъ примѣръ щедрости, которому вскорѣ послѣдовали и другіе съ своими запасами и далѣе въ томъ же родѣ. Но эта попытка естественнаго объясненія евангельскихъ чудесъ по своей искусственности и натянутости не встрѣтила сочувствія, въ началѣ текущаго вѣка была осмѣяна, отвергнута и забыта. И вотъ эта-то попытка и повторена въ „новомъ евангеліи,“ или точнѣе—въ него внесены нѣкоторыя изъ готовыхъ старинныхъ объясненій ¹⁾.

Это полное отсутствіе въ „новомъ евангеліи“ чего-либо новаго, глубокаго, привлекающаго своею теоретическою и жизненною правдой, не восполняется и тѣмъ, чѣмъ отчасти могло бы быть восполнено, именно отчетливостью и ясностью раскрытія проводимыхъ въ ней идей и понятій. Самъ авторъ „новаго евангелія“ убѣжденъ, что его изложеніе отличается ясностію, и вообще ясности и понятности изложенія онъ придаетъ важное значеніе. По его словамъ, ученіе великаго человѣка только тѣмъ и велико, что оно понятно и ясно высказываетъ то, что другіе высказывали непонятно и неясно. И однако, этого существеннаго, по его мнѣнію, признака величія въ „новомъ евангеліи“ не усматривается. Въ немъ оставлены неуясненными даже тѣ главныя понятія, около которыхъ по преимуществу вращается въ послѣднее время собственная мысль его автора и уясненіе которыхъ вообще очень желательно. Такъ въ немъ оставлень, между прочимъ, открытымъ вопросъ: что такое зло, которому не

¹⁾ Тренгъ, Чудеса Христовы. «Пр. Обзор.» 1880 г., т. 5-й, стр. 511—514.

слѣдуетъ противиться; по крайней мѣрѣ его опредѣленія въ разсматриваемомъ трудѣ не находится. Правда, въ немъ названо очень много различныхъ частныхъ видовъ и проявленій зла, но и съ помощью этого обширнаго перечня представляется невозможнымъ сказать: что такое зло, по воззрѣнію гр. Толстаго. Такъ въ „новомъ евангеліи“ говорится: представленіе о Богѣ, какъ особенномъ отъ человѣка, и внѣшнее поклоненіе Ему есть зло; личная жизнь есть зло; плотская жизнь есть зло, суды—зло; православные учителя учащіе словомъ—самый лютой соблазнъ и самое лютое зло; клятва и принужденіе къ выполненію обязанностей—зло; противленіе злу—зло и проч. Но согласитесь, что суды, личная жизнь, представленіе Бога премірнымъ существомъ, православные учителя, борьба со зломъ—это такія разнородныя, несоизмѣримыя величины, которыя не могутъ быть приведены къ одному знаменателю, объединены, въ одномъ понятіи и съ помощью ихъ невысказанно опредѣлить, что такое зло по „новому евангелію“, какова его природа, характерныя черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно остаться непонятнымъ и неуясненнымъ и то, какимъ образомъ, въ результатѣ непротивленія злу, зло исчезнетъ само собою.

Такимъ образомъ не оказывается и внутреннихъ основаній, которыя могли бы оправдать и сдѣлать для насъ понятнымъ появленіе „новаго евангелія“. Но основаніе должно же быть и его остается искать только въ одномъ—въ самонѣннѣи гр. Толстаго, въ его преувеличенномъ представленіи о силѣ собственного разума. Да, выше своего разума онъ не знаетъ никакого другаго; ему представляется, что абсолютный гегелевскій разумъ, или по его собственной терминологіи, разумѣніе, открывшись въ немъ, въ немъ именно и достигло послѣднихъ степеней самосознанія; отсюда для его разума все понятно, все доступно и всякая истина открыта для не-

го. Въ силу такого представленія онъ, не задумываясь, утверждаетъ, что посланія ап. Павла, подобно постановленіямъ соборовъ, синодовъ, на равнѣ съ бреднями хлыстовъ и прочихъ лжеучителей, не уясняютъ, а лишь затемняютъ смыслъ ученія Христова и что онъ, гр. Толстой, первый открылъ этотъ смыслъ и слѣдовательно при помощи своего единичнаго ума совершилъ то, что оказалось не подъ силу коллективному разуму всей христіанской церкви. На основаніи того же представленія, гр. Толстой пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ и долженъ быть учителемъ русскихъ людей, болѣе того — новымъ апостоломъ новыхъ откровеній, провозвѣстникомъ новой религіи, лицомъ, имѣющимъ всемо открыть ихъ смежившіяся духовныя очи и правду своей вѣры запечатлѣть мученическимъ вѣнцомъ. И вотъ, взобравшись на воздвигнутый собственными руками пьедесталь, прикрывшись рабочей блузой, живо напоминающей худой плащъ одного древняго философа, онъ громко зоветъ преклониться предъ нимъ и прикинуть къ его вѣщаньямъ, а чтобы они прочнѣе запали въ умы и сердца, онъ образованнымъ даетъ въ руки „новое евангеліе“, а народу брошюрки, въ которыхъ тоже самое евангеліе повторяется. Въ самомъ дѣлѣ: брошюрка „Сократъ“ написана на тему: „нетъ вѣшняго Бога“, „три старца“ на тему, что молитва не нужна, и потому все равно — произносить ли молитву Господню, или малосмысленный наборъ словъ; въ „двухъ старикахъ“ проводится мысль, что путешествіе къ святымъ мѣстамъ, какъ и вообще все вѣшнее богопочтеніе, ложно и вредно и что владыкѣ жизни — разумнѣю слѣдуетъ молиться дѣлами любви; наконецъ въ рассказѣ „свѣчка“ проповѣдуется ученіе о непротивленіи злу, или что тоже, преподается буддѣйская мораль. Ахъ. эта буддѣйская мораль!...

Все это грустно и тяжело, и какъ скоро приходится оста-

навливать вниманіе на томъ, что зовется религіей гр. Толстаго, тоскливое чувство неудержимо объемлетъ сердце.

Но нѣтъ худа безъ добра. Съ появленіемъ и распростра-неніемъ „новаго евангелія“, многіе изъ тѣхъ, которые не знали настоящаго евангелія, взяли его и прочитали, многіе изъ тѣхъ, которымъ оно было знакомо, постарались поглубже вдуматься въ него, а тѣ, для которыхъ оно всегда было книгою жизни, величайшимъ откровеніемъ божественной любви, чаще и чаще изъ глубины растроганнаго сердца начали повторять слова ап. Петра, сказанныя Спасителю: Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной (Іоан. 6, 68).

Священникъ *Николай Елеонскій*.

Отъ государственнаго банка.

Государственный банкъ имѣетъ честь до свѣдѣнія публики, что по срокъ, опредѣленный для приѣма заявленій отъ лицъ, желавшихъ назначить принадлежащіе имъ государственные 5% банковые билеты 1 выпуска 1860 г. 3 десятилѣтія въ тиражъ настоящаго года, поступило въ банкъ 32 объявленія по суммѣ показанныхъ въ нихъ билетовъ на 153,550 р. По провѣркѣ гг. депутатами отъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій составленныхъ въ государственномъ банкѣ списковъ номеровъ съ подлинными объявленіями и по сличеніи номеровъ, показанныхъ въ объявленіяхъ билетовъ, съ нумераціонными книгами государственнаго банка, были исключены изъ числа заявленныхъ билеты, не находящіеся въ обращеніи и вышедшіе въ предъидущіе тиражи, а изъ номеровъ билетовъ, заявленныхъ къ этому тиражу болѣе одного раза, оставлено въ тиражѣ по одному номеру и за сямъ

сумма билетовъ, подлежащихъ тиражу, опредѣлилась въ 138,600 р. На выкупъ билетовъ, по тиражу въ настоящемъ году опредѣлена сумма 10.025,200 р. По сему за погашеніемъ въ полной суммѣ, заявленныхъ къ тиражу билетовъ на 138,600 р., остальное количество билетовъ на 9.886,000 р. вынута по тиражу изъ общаго числа билетовъ, находящихся въ обращеніи, въ засѣданіи правленія государственнаго банка, 19 мая 1857 г., при чемъ сумма эта (9.886,600 р.) распределена пропорціонально суммѣ находящихся въ обращеніи билетовъ каждаго достоинства. Всего такимъ образомъ погашено 18,494 билета на сумму 10.025,200 р. Таблицы номеровъ государственныхъ 5% банковыхъ билетовъ 1 выпуска 3 десятилѣтія, заявленныхъ, какъ выше объяснено, къ тиражу, а также вышедшихъ въ тиражъ, напечатаны на отдѣльныхъ листахъ и будутъ разосланы при газетахъ: „Правительственный Вѣстникъ,“ „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости,“ „Указатель Правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ,“ „Церковный Вѣстникъ,“ „Новое Время“ и „Новости;“ кромѣ того, для желающихъ справиться, будутъ посланы во всѣ уѣздныя казначейства, конторы и отдѣленія государственнаго банка и выдаются бесплатно въ банкѣ въ С.-Петербургѣ. По билетамъ этимъ, капиталъ и проценты по купону на срокъ 1 ноября, по положенію о сихъ билетахъ, будутъ выплачиваться съ 1 ноября, въ банкѣ, конторахъ и отдѣленіяхъ его. Желаящіе же получить уплату ранѣе показаннаго выше срока 1 ноября могутъ предъавлять для сего принадлежащіе имъ билеты въ банкѣ, конторы и отдѣленія его и ранѣе 1 ноября, причемъ, если билеты предъавлены до 1 октября, то проценты по купону на срокъ 1 ноября выдаются только по день предъавленія билета къ платежу. Билеты, предъавляемые къ платежу до 1 ноября, должны имѣть при себѣ купоны, начиная съ купона на срокъ

1 ноября 1887 г., предъявляемые же къ платежу послѣ 1 ноября должны имѣть всѣ купоны, начиная съ купона на срокъ 1 мая 1888 г. За каждый недостающій купонъ со- отвѣтствующая сумма будетъ удержана изъ капитальной по билету суммы. (Церков. Вѣст. № 23).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

СБОРНИКЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ

составленъ и на голоса положенъ по нотнымъ церковнымъ книгамъ, изданнымъ по благословенію Св. Синода первымъ тисненіемъ въ Москвѣ въ 1772 году и нынѣ правленнымъ противъ древнихъ безлинейныхъ (крюковыхъ) рукописей до XVIII столѣтія вѣлочитѣльно **Н. М. Потуловымъ**.

Выпускъ 1-й. Послѣдованіе божественная литургіи Св. Іоанна Златоустаго и лѣвый ликъ на литургіи Св. Василия Великаго. *Роспѣвъ древне-киевскій*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выпускъ 2-й. Пѣніе на всеошномъ бдѣніи, *разныхъ роспѣ-вовъ*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выпускъ 3-й. Пѣніе во Св. Четырдесятницу на утрени, часахъ, вечерни, литургіи преждеосвященныхъ даровъ и повечеріи, *разныхъ роспѣвовъ*, и панихида, *роспѣвъ древне-киевскій*. Цѣна 1 р. 50 к.

Выпускъ 4-й. Пѣніе въ первую седмицу Великаго поста, *разныхъ распѣвовъ*. Цѣна 2 р. 50 к.

Выпускъ 5-й Пѣніе въ Страстную седмицу Великаго поста, *разныхъ распѣвовъ*. Цѣна 2 р. 50 к. печатается.

Руководство къ практическому изученію древняго Богослужбнаго пѣнія православной Россійской церкви. Составлено Н. Потуловымъ. Изданіе принято учебнымъ пособіемъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, и въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 3 рубля.

Складъ у издательницы Екатерины Александровны Потуловой въ Москвѣ, въ Большой Грузинской ул. въ д. Станишева.

Редакторъ Протоіерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою. 15 июня 1887 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.